

Анархизм и Советы (около 1920)

Система Советов и диктатура пролетариата

Возможно, читатель думает, что нашел ошибку в названии, и что советская система и диктатура пролетариата – это одно и то же? Но это не так. Они являются двумя принципиально различными идеями, которые далеки от того, чтобы взаимодополнять друг друга, они взаимопротивоположны. Только нездоровая партийная логика могла принять сплав, в то время как то, что действительно существует, находится в непримиримой оппозиции друг другу.

Идея «Советов» является определенным выражением того, что мы понимаем под социальной революцией, будучи элементом, полностью принадлежащим конструктивной стороне социализма. Происхождение понятия диктатуры является полностью буржуазным и как таковое, не имеет ничего общего с социализмом. Можно конечно искусственно соединить два условия, если того очень захотеть, но все что можно получить будет только плохой карикатурой на первоначальную идею Советов, в итоге подрывающую основополагающее понятие социализма, как такового.

Идея Советов не нова, равно, как не является она порожденной, как часто считают, Российской революцией. Она возникла в наиболее развитом крыле европейского рабочего движения в то время, когда рабочий класс родился из куколки буржуазного радикализма, чтобы стать независимым. Это происходило в те дни, когда Международное товарищество рабочих добилось своего грандиозного плана собрать вместе рабочих из разных стран в один огромный союз, с тем чтобы открыть им прямой путь к их действительной эмансипации.

Хотя Интернационал считался организацией с широкой базой, состоящей из профессиональных организаций, его статуты были составлены таким образом, чтобы все социалистические тенденции присоединились, с единственным условием, что они соглашались с конечной целью организации: полное освобождение рабочих.

Естественно, что на момент его создания, идеи этой великой Ассоциации были далеко не столь четко определены, какими они были на Женевском конгрессе в 1866 или в Лозанне в 1867 году. Более опытным Интернационал стал в более зрелом состоянии и распространившись по всему миру в качестве боевой организации, когда появились его убежденные и более целеустремленные адепты. Практическая деятельность, вытекающая из каждодневных битв между капиталом и трудом привела, сама по себе, к более глубокому пониманию базовых принципов.

После Брюссельского конгресса 1868го года Интернационал пришел к поддержке коллективной собственности на почву, недра и орудия труда, и тем самым была заложена основа для дальнейшего развития Интернационала.

На Базельском конгрессе 1869 внутренняя эволюция великой рабочей ассоциации достигла своего апогея. Помимо вопроса почвы и недр, рассмотренного на недавнем конгрессе, главный вопрос состоял в том, как профсоюзы рабочих должны создаваться, начинать действовать и использоваться. Доклад по этому вопросу, представленный бельгийцем Хинсом и его друзьями,

вызвал на конгрессе живой интерес. В данном случае, задачи, которыми союзы рабочих должны были заняться, так же как и важность данных союзов, были впервые изложены совершенно ясным образом, напоминающим, в известной степени, размышления Роберта Оуэна. Таким образом, в Базеле в четких и ясных терминах было объявлено, что профсоюз, местная федерация был больше чем просто профессиональным объединением, обычным и временным органом, чьей единственной причиной существования было капиталистическое общество, и который был обречен исчезнуть, когда выполнит свою задачу. В соответствии с изложенным Хинсом, государственно-социалистическое представление о том, что профсоюзы рабочих должны ограничить свои действия улучшением условий жизни рабочих в плане заработной платы, ни больше и ни меньше, было в корне изменено.

Доклад Хинса и его друзей демонстрирует, как рабочие организации для экономической борьбы могут рассматриваться в качестве клеток будущего социалистического общества, и что задачей Интернационала является обучение этих местных организаций выполнению своей исторической миссии. Более того, конгресс принял бельгийскую точку зрения; но сегодня нам известно, что у многих делегатов, особенно от немецких рабочих организаций, никогда не было, ни малейшего желания проводить в жизнь резолюцию в пределах своего влияния.

После Базельского конгресса, и особенно после войны 1870го года, которые подтолкнули европейское общественное движение по совершенно иному пути, стало очевидно, что в Интернационале было две тенденции, тенденции, так непримиримо настроенные против друг против друга, что эта оппозиция довела до раскола. Позже была предпринята попытка низвести данные разногласия до уровня личной ссоры между Михаилом Бакуниным и Карлом Марксом, на последовавшем затем в Лондоне заседании Генерального совета. Не может быть более ошибочного, необоснованного мнения, чем это, которое основывается на совершеннейшем игнорировании фактов. Конечно, личные взаимоотношения действительно играли роль в этих столкновениях, как они обычно делают в подобных ситуациях. Как бы то ни было, именно Маркс и Энгельс прибегали к всевозможным непристойностям в их нападках на Бакунина. В самом деле, биограф Карла Маркса Франц Меринг, не смог умолчать об этом факте, так как, в принципе, это не было вопросом напрасной глупой ссоры, но столкновением между двумя идеологическими воззрениями, которые имели и продолжают иметь определенную естественную важность.

В романских странах, в которых Интернационал обрел свою основную поддержку, рабочие были активны посредством своих организаций экономической борьбы. В их глазах государство было политическим агентом и защитником имущих классов, и, это имеет место, захват политической власти не должен осуществляться ни в какой форме, будучи ничем иным кроме прелюдии к новой тирании и выживанию эксплуатации. По этой причине они избегали подражать буржуазии созданием еще одной политической партии, которая создаст новый правящий класс, руководимый профессиональными политическими деятелями. Их цель состояла в том, чтобы получить контроль над машинами, промышленностью, почвой и недрами; и они справедливо предвидели, что этот подход радикально размежевал их от политики якобинской буржуазии, которая пожертвовала всем ради политической власти. Романские интернационалисты поняли, что монополия собственности должна стать частью истории, также

как монополия на власть; так что вся общественная жизнь должна была быть в дальнейшем основана на совершенно новых основаниях. Беря в качестве отправной точки факт, что «господство человека над человеком» было частью прошлого, эти товарищи старались схватиться продвинуть идею «управления вещами». Они заменяли политику партий в государстве экономической политикой труда. Кроме того они поняли, что реорганизация общества в социалистическом смысле должна была быть предпринята внутри самой промышленности, что является центральной идеей понятия Советов.

Предельно ясно и точно конгрессы Испанской региональной федерации более глубоко последовали в этих идеях антиавторитарного крыла Интернационала, и развили их. Вот откуда пришли термины «хунты» («союз») и «рабочих советов» (что означает тоже самое, что Советы).

Либертарные социалисты из Первого интернационала очень хорошо понимали, что социализм не может быть установлен правительственным декретом, но должен органически расти снизу вверх. Они поняли, также, что только сами рабочие должны взяться за организацию труда и производства и, так же, распределение для равного потребления. Это было важнейшей идеей, которую они противопоставили государственному социализму парламентских политиков.

Прошли многие годы, и даже сегодня, рабочее движение этих романских стран подвергается дикому преследованию. Эта кровавая политика может быть прослежена до репрессий против Парижской Коммуны в 1871м году. Позже, подобные же действия реакции распространились в Испании и Италии. В результате идея «советов» отступила на задний план, так как вся открытая пропаганда была подавлена, и в подпольном движении рабочих организаций стали создаваться боевые группы, которые были вынуждены использовать всю их энергию, все их ресурсы для борьбы с реакцией и защиты ее жертв.

Революционный синдикализм и идея Советов

Развитие революционного синдикализма переоткрыло эту идею и вдохнуло в нее новую жизнь. В самый активный период существования французского революционного синдикализма между 1900 и 1907 - идея советов рассматривалась в ее самой широкой, хорошо выраженной форме.

Достаточно взглянуть на сочинения Пуже, Гриффюэль, Монатта, Ивето и некоторых других, особенно Пеллутье, чтобы убедиться, что ни в России, ни где бы то ни было еще, нигде ни на йоту ничего не добавили к тому, что пропагандисты революционного синдикализма сформулировали за пятнадцать или двадцать лет до российских событий 1917го года.

В течение этих лет социалистические рабочие партии решительно отвергали идею советов. Большинство из тех, кто сегодня защищает идеи Советов (особенно в Германии), еще вчера презирали их как некую «новую утопию». Ни кто иной, как Ленин, заявил председателю совета санкт-петербургских делегатов в 1905м году, что советская система была устаревшим учреждением, с которым партия не имела ничего общего.

И так это понятие советов, кредит доверия которой исходит от революционных синдикалистов, отмечает наиболее важные моменты и является краеугольным камнем международного рабочего движения, благодаря которому мы можем позволить добавить, что

система советов – единственным институтом, который может привести к социализму, становящемуся реальностью, тогда как любой другой путь будет ошибочным. «Утопия» одержала победу над «научностью».

Столь же несомненно, что идея советов естественно возникает из либертарного социалистического представления, которое пустило корни в значительной части международного рабочего движения, в противовес государственнической идее с ее отпечатком буржуазной идеологической традиции.

«Диктатура пролетариата» как буржуазное наследство

Это все, что может быть сказано относительно диктатуры, так как она не является продуктом социалистической мысли. Диктатура не порождение рабочего движения, но прискорбное наследие буржуазии, перешедшее в лагерь пролетариата с тем, чтобы гарантировать ему «счастье». Диктатура близко связана с жадной политической властью, которая точно также является буржуазной по своему происхождению.

Диктатура – это одна из форм, которые государство, всегда жадное до власти, склонно принимать. Это – государство на военной основе. Как другие защитники государственнической идеи, сторонники диктатуры стали бы - временно – навязывать свою волю народу. Это понятие является только препятствием на пути социальной революции, кровью жизни которой является как раз конструктивное участие и прямая инициатива масс.

Диктатура есть отрицание, разрушение органического бытия, естественной формы организации, которая строится снизу вверх. Некоторые утверждают, что люди еще не созрели для того, чтобы взять на себя ответственность за свою собственную судьбу. Так что должно быть руководство массами, опекающее «опытным» меньшинство. Сторонники диктатуры могут иметь наилучшие в мире намерения, но логика власти всегда обязывает их идти по пути самого крайнего деспотизма.

Наши государственные социалисты переняли понятие диктатуры у предбуржуазной партии якобинцев. Эта партия порицала забастовки как преступление и запрещала рабочие организации под страхом смертной казни. Наиболее активными представителями данного властного управления были Сен-Жюст и Катон, в то время как Робеспьер действовал под тем же влиянием.

Ложный, односторонний способ, которым буржуазные историки обычно изображают Великую революцию, в значительной повлиял на большинство социалистов, и внес существенный вклад в предоставление якобинской диктатуры заслуженно дурной репутации, в то время как мученичество его главных лидеров, похоже, возросло. Вообще правило, народ становится легкой добычей культа мучеников, который отклоняет их от критического изучения идей и поступков.

Творческий труд Французской революции хорошо известен - она покончила с феодализмом и монархией. Историки прославили это как работу якобинцев и революционеров Конвента, но, тем не менее, с течением времени, эта картина оказалось абсолютной фальсификацией всей истории Революции.

Сегодня мы знаем, что эта ошибочная интерпретация основана на преднамеренном игнорировании исторических фактов, особенно того, что подлинная творческая работа Революции была выполнена крестьянами и городским пролетариатом вопреки Национальному собранию и Конвенту. Якобинцы и Конвент всегда довольно решительно возражали против радикальных изменений, до тех пор, пока они не становились свершившимся фактом, то есть, пока народные выступления ни вводили такие изменения. Следовательно, провозглашение конвенции о том, что феодальная система была низложена, было не более чем официальным признанием посягательства, совершенного непосредственно революционными крестьянами на старую деспотичную систему, несмотря на жесткую оппозицию, с которой они должны были столкнуться со стороны политических партий.

Еще в 1792 году Национальное собрание не затрагивало феодальной системы. И только на следующий год, это так называемое революционное собрание снизошло до того, чтобы утвердить право «деревенской толпы» санкционированием отмены феодальных прав, того, что народ уже сделал свершившимся фактом. То же самое, или почти самое относится и к официальной отмене монархии.

Якобинская традиция и социализм

Первооснователи народного социалистического движения во Франции были выходцами из якобинского лагеря, таким образом, естественно, что политическое наследие 1792го года должно весить в большой степени от них.

Когда Бабеф и Дарте организовали «заговор равных», они стремились превратить Францию, при помощи диктатуры, в аграрное коммунистическое государство, и, как коммунисты, они отмечали, что должны будут приступить к решению экономических вопросов, если они когда-либо смогут добиться идеалов Великой революции. Но, как и якобинцы, «равные» верили, что они смогут достичь своих целей путем укрепления государства, наделяя его широкими полномочиями. С якобинцами, вера во всемогущество государства достигла своего расцвета и настолько проникла в них, что они не способны были придумать какую либо альтернативную схему для исполнения.

Полумертвых, Бабефе и Дарте затащили на гильотину, но их идеи поселились среди людей, находя прибежище в тайных обществах, таких как «уравнители» во время правления Луи-Филиппа. Такие люди, как Барбеф и Бланки работали в том же направлении, борясь за диктатуру пролетариата, разработанного, чтобы сделать цели коммунистов реальностью.

Именно от этих людей Маркс и Энгельс унаследовали понятие диктатуры пролетариата, которое они изложили в их Коммунистическом манифесте. Это означает, что они должны были достигнуть центральной власти с неоспоримой мощью, задача которой будет заключаться в подавлении буржуазного потенциала через радикальные принудительные законы, и, когда придет время, реорганизуют общество в духе государственного социализма.

Маркс и Энгельс покинули ряды буржуазной демократии в пользу социалистического лагеря, их взгляды, глубоко формировались под якобинским влиянием. Более того, социалистическое движение, в то время, было недостаточно развито, чтобы развить действительно свой

собственный путь. Социализм обоих этих лидеров был более или менее подвержен буржуазным традициям, восходящим к Французской революции.

Все для Советов

Благодаря росту рабочего движения в дни Интернационала, социализм оказался в состоянии отделаться от последних остатков буржуазных традиций и стать полностью независимым. Концепция советов оставила понятие государства и политики с позиции силы, под каким бы то ни было предлогом. Точно так же, она была настроена резко отрицательно против любого предложения диктатуры. Фактически, это была не только попытка отбросить инструменты власти, от сил, которые обладали им и от государства, но и имело тенденцию к увеличению своего собственного влияния в максимально возможной степени.

Предшественники системы советов хорошо оценили то, что наряду с эксплуатацией человека человеком должно будет исчезнуть также и господство человека человеком. Они понимали, что государство, будучи организованной властью правящих классов, не может быть преобразовано в инструмент для освобождения трудящихся. Кроме того, это был их взгляд на то, что главная задача социальной революции должна быть разрушением старой властной структуры, чтобы убрать возможность каких-либо новых форм эксплуатации и отступления.

Не может быть никаких сомнений в том, что «диктатура пролетариата» не может сравниться с построением обычной диктатуры, потому что это диктатура класса. Диктатура класса не может существовать как таковая, поскольку она заканчивается, в конце концов, диктатурой партии, которая присваивает себе право выступить от имени этого класса. Таким образом, либеральная буржуазия, в своей борьбе против деспотизма, привыкла говорить от имени «народа». В партиях, которые никогда не наслаждались использованием власти, жажда власти или желание пустить ее в ход принимает крайне опасную форму.

Те, кто только получил власть, еще более отвратительны, чем те, кто обладал ею до них. Пример Германии является показательным в этом отношении: немцы в настоящее время живут под мощной диктатурой профессиональных политиков социал-демократии и централистских функционеров профсоюзов. Они не находят никаких мер слишком базовыми или brutальными использующих и подчиняющих членов их «своего» класса, которые осмеливаются не соглашаться с ними. Когда эти господа, изменяющие своему слову на социализме, «прогнулись», они отказались даже от тех успехов, которые были достигнуты буржуазными революциями, гарантирующими определенную степень свободы и личной неприкосновенности. Более того, они также породили самую ужасную полицейскую систему и зашли столь далеко, что арестовывают всех, кто неблагодарен властям и делая его безвредным, по крайней мере, на какое-то время. Знаменитые «lettres de cachet» французских деспотов и административной высылки российской царской системы были выкопаны и применяются этими уникальными поборниками демократии.

Само собой разумеется, эти новые деспоты настойчиво болтают о поддержке конституции, которая гарантирует каждому хорошему немцу всевозможные права; но эта конституция существует только на бумаге. Даже французская республиканская конституция 1793го года

страдала от того же недостатка – она никогда не вводилась в действие. Робеспьер и его приспешники пытались объяснить свои действия, заявляя о то, что родина в опасности. Вследствие этого, «Неподкупный» и его люди поддерживали диктатуру, которая привела к Термидору, позорному правлению Директории, и, в конечном счете, диктатуре меча при Наполеоне. В настоящее время мы в Германии достигли своей Директории: единственной отсутствующей вещью, является человек, который будет играть роль Наполеона.

Мы уже знаем, что революция не может быть сделана с притворной чувствительностью. И мы также знаем, что имущие классы никогда не станут отдавать свои привилегии просто так. В день, когда революция победит, рабочие должны будут навязать свою волю нынешним владельцам почвы, недр и средств производства, что не может быть сделано – давайте внесем ясность в этом вопросе – без рабочих, берущих общественный капитал в свои руки, и, прежде всего, без того, что бы они уничтожили авторитарную структуру, которая является, и продолжит ею быть, крепостью, держащей людские массы под властным господством. Подобное действие, без сомнения, является актом освобождения; провозглашение социальной справедливости; сама суть социальной революции, которая не имеет ничего общего с совершенно буржуазным принципом диктатуры.

Фактом, что большое количество социалистических партий сплотилось к идее советов, которая является присущей чертой либертарных социалистов и революционных синдикалистов, является признанием, одобрением того, что курс, которого они до сих пор придерживались, был продуктом фальсификации, искажения, и что с советами рабочее движение должно создать для себя единственный орган, способный к осуществлению полного социализма, которого жаждет сознательный пролетариат. С другой стороны, не следует забывать, что этот резкий переход рискует ввести много чужеродных деталей в концепцию советов, то есть деталей, не имеющих никакого отношения к первоначальным задачам социализма, и которые должны быть устранены, поскольку они создают угрозу для дальнейшего развития советов. Эти чужеродные элементы в состоянии только представить вещи с диктаторской точки зрения. Нашей задачей должно быть противостояние данной опасности и предупреждение наших классовых товарищей против экспериментов, которые не могут принести рассвет социального освобождения ни в малейшей ближайшей перспективе, наоборот, безусловно, отложат его.

Таким образом, наш совет заключается в следующем: Все для советов! Никакой власти над ними! Лозунг, который в то же самое время будет лозунгом социально революционным.

Перевод: Андрей Фёдоров